

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=342WXQ&base=LAW&n=389271&dst=100013&field=134#CJP0LZThuGn2W7KK>. – Дата доступа : 07.04.2023.

3. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>. – Дата доступа : 07.04.2023.

4. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007>. – Дата доступа : 07.04.2023.

5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. – Дата доступа : 07.04.2023.

6. Румянцев, Н.В. Формы и методы правового регулирования по обеспечению информационно-пропагандистского противодействия экстремистской и террористической деятельности: российский и зарубежный опыт и практика / Н.В. Румянцев, М.Ю. Тарасов // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 29–35.

7. Цыбулька, А.М. Российская и зарубежная историография о фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн / М.А. Цыбулька // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2017. – № 3 (12). – С. 31–135.

8. Шамаев, А.М. Ложная интерпретация исторических фактов как угроза национальной безопасности Российской Федерации / А.М. Шамаев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10, № 4–2. – С. 59–64.

*В.Н. Семенова, кандидат философских наук, доцент,
Академия управления при
Президенте Республики Беларусь, г. Минск
vl.semenova@gmail.com*

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТ-ЧЕЛОВЕКА

Во второй половине XIX – первой половине XX в. были написаны поворотные работы в судьбе западноевропейской метафизики, обосновавшие историчность человеческого бытия. Неклассическая философия (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Ж.–П. Сартр, К. Ясперс, А. Бергсон, М. Шелер и др.) «открыла» экзистенциальность как принципиальную неполноту человеческого существования, обосновала неизбежность выхода за онтические пределы для того, чтобы стать человеком подлинным, обрести смысл существования. Историчность, временность, заброшенность, забота, бытие-к-смерти и др. экзистенциалы, раскрытые в работах М. Хайдеггера, прочно вошли в философский дискурс XX в. Для гуманитария второй половины XX в. было очевидно, что человек есть существо историчное и историческое.

Одновременно на волне популярности идей историчности и темпоральности в 1970-е гг. появляется и противоположная линия развития постмодернистской «антропологии»: человек – это то, что надлежит преодолеть. Одним из первых и самых ярких представителей этой линии является Ф. Ницше с идеей преодоления человека и появления сверхчеловека, обладающего совершенно иными, нежели человеческими (читай, христианскими), качествами. Идея сверхчеловека, получившая развитие в работах М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Батая и др., является прообразом пост-

человека во всех его ипостасях. Происходящие сегодня с человеком в самом широком смысле этого слова трансформации (с телесностью, гендерной принадлежностью, исторической памятью, формированием общественного мнения, развитием искусственного интеллекта и формированием цифрового мышления) являются процессами исчезновения человека, постепенным (в 1990-е гг.) и стремительным (в 2000-е гг.) формированием пост-человека.

Человек модерна – это все еще «животное политическое» (Аристотель), *homo sapiens* – человек разумный, рациональный. Формирующийся в эпоху постмодерна пост-человек может быть охарактеризован как «животное беспозвоночное», гибкое, лабильное, иррационально-эмоциональное, не имеющее в основе своего существования незыблемого основания в виде религиозной веры или опоры на рациональное мышление. «Беспозвоночность» – есть отсутствие фундамента/основы, глубины/корней и одновременно вертикали, связывающей с трансцендентным.

Для формирующегося пост-человека характерен игровой характер современных жизненных стратегий (истоками современной разновидности «человека играющего» является и ницшевский сверхчеловек как играющий ребенок, и постмодернистский опыт трансгрессивности), образовательных практик и способов получения информации, а также активная пропаганда всепоглощающего игрового мышления и поведения (немодно быть слишком серьезным и скучным, погружаясь в нечитабельные *longreads*).

Экспансия игровых жизненных стратегий, начиная от *homo ludens* Й. Хёйзинги и О. Финка, постепенно приводит к десакрализации традиционных (метафизических) принципов, ценностей и институтов. Десакрализация и разрушение границ между сакральным и профанным привело к уменьшению глубины, измельчанию жизненных стилей, мыслей, чувств и даже эмоций (в перспективе, возможно практически полное разрушение экзистенциального среза в человеческом существовании). Однако когда исчезает глубина, то все становится мельче: люди мельче, мысли примитивнее, поступки – мельче и поверхностнее. Чувства и эмоции – грубее. Классические «большие» романы (относительно близкого нам XIX в.) Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Тургенева, О. Бальзака, Э. Золя, Г. Флобера и др. совершенно непонятны современному молодому читателю, хотя темы и проблемы, поднимаемые в них, по-прежнему актуальны.

Пост-человек существует в ситуации пост-: постмодерна, постистории, постнауки, постправды, даже постпространства и поствремени. Для постистории, поскольку она после истории, то есть фактически вне истории, не существует различия между подлинным миром и миром сконструированным. Примерами таких сконструированных «миров», почти не отличимых от реального, сегодня становятся фейковые события и новости, дополненная и виртуальная реальности, фэнтезийные мета-вселенные, переписывание и фальсифицирование истории. Сконструированные реальности (к которым в широком значении могут быть отнесены также компьютерные игры, социальные сети и «мыльные оперы») могут вызывать у пост-человека неподдельный интерес, гораздо больший, чем реальные события, а также формировать квази-исторические идеологические нарративы.

Является ли пост-человек историчным существом? Осознает ли он свою историчность? Согласно М. Хайдеггеру, историчность является необходимым условием раскрытия смысла человеческого существования. Однако пост-человека, осознающего эфемерность Истории и множественность исторических интерпретаций (если возможны множественные/альтернативные истории, то исторической правды не существует, а сама История может быть сконструирована и сфальсифицирована в угоду любым политическим силам) трудно назвать историчным.

Основной тенденцией формирования пост-человека в условиях постмодерна является трансгуманистическое направление, для которого характерен наивный технократизм, ориентированный на конструктивистскую/технократическую утопию, способную разрешить социальные и иные противоречия современного мира, сделать человеческое существование безболезненным и даже счастливым: «Новый силиконовый технократизм отличает вера в

неограниченную психи-демократию, прозрачное общество и свободный интернет-рынок» [1, с. 89]. Основатель российского общества трансгуманистов «Россия 2045» Дмитрий Ицков следующим образом выражает суть движения: «Человек должен быть свободным от ограничений биологической природы, смерти, гравитации» [Цит. по 3]. Переход в Неочеловечеству с необходимостью должен сопровождаться преодолением человеческой природы (то есть болезней, старости, смерти) и созданием сверхчеловека. При таком глобальном видении предназначения фактически нового богочеловечества идея нации и патриотизма превращается в рудиментарный остаток общества модерна. Ицков отмечает, что «Родина неочеловека – не страна, не Земля и даже не Солнечная система. Его Родина – Галактика и вся Вселенная» [Цит. по 3].

В западных странах трансгуманизм достаточно успешно развивается в рамках идеологии New Age еще со второй половины 1960-х гг. В частности, в 1972 г. американским астронавтом Э. Митчеллом и философом Д. Уайтом был создан Институт ноэтических наук, ставящий своей целью формирование нового типа человека *homo poeticus*, сознательно управляющего собственной эволюцией [Цит. по 3]. В 1998 г. была основана Всемирная трансгуманистическая ассоциация, в 2002 г. подготовившая Трансгуманистическую декларацию, обосновывающую, что современные технологии в ближайшей перспективе радикально изменят людей (в частности, преодолеют страдания и старение, преодолеют «заточение в пределах планеты Земля»). В одном из своих программных выступлений основатель Всемирной трансгуманистической ассоциации Ник Бостром утверждает: «Трансгуманизм – это нечто большее, чем простая абстрактная вера в то, что мы находимся в процессе перехода наших биологических границ с помощью технологий. Это также попытка переоценить полностью определение человеческого существа так, как его обычно представляют... Технологии помогут нам выйти за пределы того, что большинство считает человеческим» [Цит. по 3]. Понятно, что в рамках данного направления ни сохранения автономности и влияния национальных государств, ни ценностей Просвещения и модерна, ни сохранения национальных идей и исторической памяти не предусматривается.

Наступающая Эра Водолея, предсказанная Мэрилин Фергюсон в программной работе «Заговор Водолея» (1980), означает смену парадигм, дехристианизацию всего западного мира, освобождение от всех старых границ и запретов. Пост-человек – это попытка все начать с начала, с «чистого листа». Это попытка «обнулить историю» и одновременно выйти из границ историчности, представляющих собой, с точки зрения трансгуманистов, старые метафизические «запреты».

Безусловно, вышеописанные процессы затрагивают сегодня и систему высшего образования, одной из задач которой традиционно является социализация обучающегося, а также его гражданское воспитание. В каком состоянии сегодня находится современный университет? На этот вопрос отвечает в работе «Университет в руинах» канадский исследователь Б. Ридингс, среди причин кризиса классического университета называющий кризис такого политического феномена, как национальное государство [2].

Б. Ридингс и другие исследователи заявляют о несоответствии модели нормативного образа человека, формирующегося в высшей (массовой, не элитарной) школе по все еще современным образцам, внешней культурной повестке, развитию технической цивилизации, информационного общества и тем политическим и социально-экономическим сдвигам, которые происходят в последние десятилетия. Подразумевается необходимость трансформации гумбольдтовского университета 2.0. в университеты нового типа 3.0 и даже 4.0, поскольку постсовременность формирует новые представления о нормативном образе пост-человека, обладающего узкими профессиональными компетенциями, востребованного на международном рынке труда, космополитически нацеленного, знающего иностранные языки и мечтающего работать в сфере *freelance*. Для пост-человека историческая память, скорее, «лишний груз», мешающий его эффективной деятельности.

С учетом существующих тенденций сохранение исторической памяти, связанное с формированием гражданской позиции и патриотизма, возможны только в ситуации возвращения к достижениям модерна и «старой» системы образования. Сам принцип патриотизма (в современном его понимании) сформировался в эпоху Нового времени, в период формирования национальных государств. Доминирующие в условиях постмодерна идеологии космополитизма, мультикультурализма, «натурализма», трансгуманизма не предполагают существование национальных государств в качестве самостоятельных политических субъектов. Поэтому историческая память, национальные ценности в эпоху постмодерна перестают быть для подавляющего числа населения значимой ценностью, уступая место пирамиде постматериальных ценностей.

Соответственно, формируется следующая дилемма.

Вариант 1. Под воздействием объективных социально-экономических условий и изменений на рынке труда продолжить трансформацию системы образования в направлении сокращения теоретических и фундаментальных знаний, формирования узких профессиональных компетенций, практикоориентированности.

Вариант 2. Вопреки ходу истории сохранить все достижения классического университета 2.0. Увеличить количество и объем изучаемых гуманитарных и социальных наук на «младших» курсах как необходимых элементов сохранения исторической памяти, формирования национальных ценностей и гражданской культуры.

Список использованных источников:

1. Ридингс, Б. Университет в руинах / Б. Ридингс; пер. с англ. А. М. Корбута. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
2. Тимощук, А.С. Общество без будущего (критика антиутопий) / А.С. Тимощук // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 88–91.
3. Четверикова, О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма [Электронный ресурс] / О.Н. Четверикова. – Режим доступа : <http://klex.ru/1384>. – Дата доступа : 14.05.2023.

*И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, профессор,
БГУ, г. Минск
Iri_na2000@rambler.ru*

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА

Историческая память является важнейшим элементом культуры, выступая основой для создания ценностей и смыслов и их транслятором будущим поколениям, и задает единый пространственно-временной континуум социального бытия как индивида, так и социальной группы, оказывая влияние на развитие человека и общества. В силу этого, историческая память, будучи разновидностью социальной памяти, присуща определенной социальной общности и функционирует в «социальных рамках».

Голландский философ Ф.Р. Анкерсмит анализирует историческую память в контексте проблематики исторического опыта. В работе «Возвышенный исторический опыт» [1] исследователь предложил отказаться от помощи языка как инструмента-проводника по лабиринту культуры и истории и обратиться к непосредственному опыту восприятия прошлого, без которого не возможна история и историческая память. В данном случае язык предстает как жесткая детерминирующая система, претендующая как на конструирование исторической реальности, так